

От парка Линьшань до дома Лян Жуйси было всего семь остановок на метро с одной пересадкой — вместе с пешей прогулкой выходило меньше получаса. Сверившись с навигатором в телефоне, Жуйси с удивлением обнаружил, насколько близко, оказывается, жил Чжоу Янь.

Приложив карту к турникету, он спустился на станцию, намереваясь первым делом заскочить домой и переодеться. Прохлада стояла вполне ощутимая: хотя дождь сегодня и не шел, для одной лишь легкой кофты было слишком свежо. К тому же брюки на нем были чжоуяневы... Ладно, в следующий раз просто купит новые и отдаст.

Впрочем, насчет этого самого «следующего раза» Жуйси не был уверен — кто знает, когда они теперь увидятся. На его недавний вопрос Чжоу Янь лишь сухо уронил короткое «гм» — да так прохладно, что Жуйси поневоле усомнился, не принимает ли желаемое за действительное.

Пока он предавался этим размышлениям, телефон визгнул от входящего сообщения. На экране высветилось от Чжоу Яня: «Твои лекарства остались у меня».

Жуйси заглянул в пакет с выпиской и тишиной метрополитена мысленно отсалютовал короткому «черт». Он вспомнил: вчера заявился к Чжоу Яню с одним лишь больничным кульком, а уходя, даже не подумал проверить содержимое — забыл, что утром тот доставал упаковки.

Жуйси тут же выскочил на ближайшей станции и пересел на поезд в обратную сторону. «Сейчас вернусь и заберу», — отстучал он Чжоу Яню.

Ответ пришел минут через пять: «Мне нужно срочно заехать в бюро поработать, я уже вышел. Ключ оставил под ковриком у двери, заходи сам».

Жуйси знал, что тот вкалывал с самого утра, так что отвлекать его не стал — ограничился коротким «ОК».

На обратном пути он внимательнее присмотрелся к окрестностям. Вчера в темноте ничего толком не разглядел, а жилой комплекс, хоть и старой постройки, оказался невероятно уютным и обжитым. У ворот выстроился целый ряд лавочек: горячие паровые булочки, готовая кулинария, свежие овощи, фрукты, посуда.

Несколько местных женщин придирчиво выбирали зелень на лотке, а пожилой охранник, заложив руки за спину, лениво прогуливался у будки. В клумбах на деревьях уже пробивалась свежая листва, напиваясь весенним полуденным солнцем.

Отыскав нужный корпус, Жуйси уперся в запертую кодовую дверь подъезда. Не успел он набрать сообщение Чжоу Яню, как тяжелая створка приоткрылась, и на улицу неторопливо вышла пожилая женщина. Окинув парня испытующим взглядом, она спросила на диалекте:

— Нон сюн са нин?

Жуйси прожил в Хайчэне три года и немного понимал местный говор, а потому вежливо пояснил, указав наверх:

— Я к другу. Второй этаж, квартира слева.

— А-а, к Сяо Чжоу! — Бабушка мгновенно оттаяла, расплывшись в добродушной улыбке, и придержала дверь. — Проходи, милоч, проходи.

Жуйси через две ступеньки взлетел на второй этаж, отогнул край половика у нужной двери и действительно нащупал ключ. Но, подняв его, застыл как вкопанный. К кольцу была прикреплена вещь, до боли ему знакомая.

Память моментально унесла его в студенческие годы. Первый курс, первый семестр. На университетском турнире по бадминтону он занял третье место, и спортивный сектор в качестве приза раздал всем бронзовым призерам брелоки.

Это была стальная миниатюра: ракетка и воланчик из нержавейки. Новые, они сверкали так, что глаз не оторвать. Жуйси тогда целыми днями крутил этот брелок на указательном пальце, как заведенный, и не упускал случая подразнить Чжоу Яня: «Ну каково, а? Красота?»

Чжоу Янь соглашался, что красиво, но при этом так пристально косился на его руки, что Жуйси, подумав, будто тот просто завидует, великодушно предложил: «Выбирай любой, подарю».

Чжоу Янь удивился: «И тебе не жалко?» — «Да с чего бы?» — «Ты же с этой штукой который день носишься, будто с молитвенным барабаном».

Жуйси рассмеялся: «Да забавная же цацка! Так берешь?» — «Беру, — ответил Чжоу Янь. — Отдай ракетку».

Жуйси отцепил ракетку и отдал ему. В университетские годы он частенько заглядывал в комнату 326, и Чжоу Янь с согласия соседей даже сделал ему отдельный дубликат от их двери. Чтобы не перепутать ключи, Жуйси повесил на свой дубликат оставшийся воланчик. А выпускаясь из университета, вернул ключ вместе с этим самым брелоком.

Он и думать о нем забыл: за четыре года непрерывной носки стальной воланчик изрядно потерял и потерял весь лоск — сам Жуйси такую вещь наверняка давно бы выбросил. Но надо же: эта безделушка до сих пор смиренно висела на ключах Чжоу Яня!

Жуйси узнал ее мгновенно. Поднеся ключ ближе к глазам, он разглядывал поцарапанную металлическую поверхность с непередаваемым изумлением.

... Настоящий, его старый воланчик!

В этот момент ожил телефон — звонил Чжоу Янь.

— Поднялся?

— Ага, как раз застал бабушку дома, она меняпустила.

— Ключ нашел?

— Нашел... — Жуйси отпер замок и зашел в прихожую. — Слушай, мне потом снова под коврик его положить?

На том конце провода на мгновение воцарилась тишина.

— У меня есть дубликат, — ровным голосом произнес Чжоу Янь. — А эту связку заведи себе. На ней еще синий пластиковый брелок — это чип от входной двери подъезда... Будет желание проведать — приходи в любое время.

Жуйси обомлел. Все сомнения, терзавшие его в поезде метро, улетучились без следа.

— Ладно, понял. Спасибо, заберу, — не стал жеманиться он и уж тем более выпытывать, почему Чжоу Янь все эти годы берег его воланчик.

Это был их молчаливый уговор. Особый знак, понятный только им двоим.

— Лекарства на обувной тумбочке. И там же лежит шарф — обязательно надень, — деловито распорядился Чжоу Янь и, не давая собеседнику вставить слова, добавил, что ему пора возвращаться к документам, после чего дал отбой.

Убрав телефон, Жуйси увидел на журнальном столике аккуратно собранный пакет с медикаментами, а рядом — мужской шарф в серую клетку. Сверху белел листок из блокнота, на котором уверенным, чеканным почерком Чжоу Яня было написано: «Одет не по погоде. Не простудись».

На душе стало удивительно тепло. Жуйси обмотал шарф вокруг шеи — мягкая кашемировая ткань приятно ласкала кожу.

Заперев квартиру, он снова вытащил из кармана ключ, разглядывая стальной воланчик. Ощущение было таким, словно к нему вернулось нечто невероятно ценное, случайно утерянное давным-давно.

Спускался он буквально перепрыгивая через три ступеньки, с трудом сдерживая глупую счастливую улыбку. Выйдя во двор, Жуйси на ходу подпрыгнул, имитируя замах ракеткой и сбивая невидимый волан с нависающей ветки — да едва не налетел на проходящего мимо старика.

— Ой... — Жуйси ловко увернулся в самый последний момент, сияя белозубой улыбкой, и легкой трусцой побежал дальше.

Квартира Жуйси находилась довольно далеко от центра, зато в современном жилом комплексе с хорошим ремонтом. Но в отличие от уютного старого дворика Чжоу Яня, здесь, в высотном доме с отдельными студиями, веяло отчуждением и прохладой.

И когда Жуйси переступил порог, это ощущение одиночества накрыло его с головой.

В комнате царил полный хаос — следы его вчерашней спешки, когда он в панике перерывал шкафы в поисках одежды и больничной карты. А еще раньше здесь хозяйничала Се Вэньму, забрав все вещи, которые посчитала ценными.

Но повсюду — в углах, на полках, в ванной — все еще валялись сотни мелких напоминаний об их общей жизни. Недопитый красный чай, кофе в дрип-пакетах, купленные ей в интернете; гели для душа, шампуни; пара кофточек, которые она надевала от силы раз и бросила... Смотреть на все это было тошно.

Жуйси сжал зубы и принялся методично сгребать все вещи бывшей девушки в один большой пакет.

В спальне стоял письменный стол, который с переездом Вэньму превратился в ее туалетный столик. Выдвинув ящик, Жуйси наткнулся на пару нераспечатанных помад — его подарки на День святого Валентина и Рождество. Она даже не соизволила их открыть.

Он вздохнул, не зная, о чем сожалеет больше — о растраченных чувствах или о выброшенных на ветер деньгах.

Собрав внушительных размеров баул, Жуйси сфотографировал его и отправил снимки Се Вэньму с коротким вопросом: «Тебе это нужно?»

Ответа не последовало. Выбрасывать вещи без разрешения было как-то не по-человечески, поэтому он просто завязал пакет тугим узлом и отставил в угол гостиной, после чего переоделся и отправился в бар.

Бар «Ожидаемость» открывал двери в пять вечера. Жуйси явился к шести, чем немало удивил Цзян Шэна:

— Ого, ты чего вылез? Отлежался бы еще пару дней!

— Да в порядке я.

Сегодня суббота, народ повалит рекой. Живот уже не болел, так что Жуйси решил, что сидеть дома бессмысленно. Раньше он пел в разных заведениях и оброс кучей поклонников; когда открыл свой бар, многие прилипли за ним сюда. Особенно по субботам — постоянники приходили именно ради его выступлений, и разочаровывать их не хотелось.

Впрочем, на сцену он обычно выходил ближе к восьми. Пользуясь свободным временем, Жуйси попросил Цзян Шэна достать финансовые отчеты за последний месяц; хотелось оценить выручку и прикинуть, когда они выйдут в плюс.

— Ты ел вообще? — поинтересовался Цзян Шэн.

— Нет еще, — не отрываясь от цифр, буркнул Жуйси.

Пока он увлеченно сводил дебет с кредитом, к его губам неожиданно что-то приблизилось. Жуйси опустил взгляд и увидел пальцы Цзян Шэна, пытающегося пихнуть ему в рот кусочек булочки.

Жуйси поморщился и с ходу отмахнулся от его руки:

— Ты чего творишь?

Цзян Шэн замер.

Через пару минут «собачья лапа» Цзян Шэна снова выросла перед его носом, а сам компаньон с преувеличенной заботой и слащавой миной засюсюкал:

— Ну кушай, кушай, открывай ротик!

Жуйси хлопнул grossбухом и навешал ему тумачков:

— Кушай твою мать! Ты совсем из ума выжил?!

— Бля! — Цзян Шэн, обхватив голову, взвыл от обиды. — Я о твоём здоровье пекусь, а ты драться?! Мы друзья вообще или кто?!

— У меня что, своих рук нет?! — Жуйси задыхался от возмущения. — И вообще, че у тебя за рожа была?! Думаешь, я не вижу, что ты стебешься?!

Цзян Шэн взвился:

— Да тот хмырь Чжоу пичкал тебя корочками от булочки, и ты жрал за обе щеки!

Жуйси опешил:

— Ты про что вообще?

Цзян Шэн развернулся к нему всем корпусом, размахивая руками:

— В больнице вчера! Забыл уже?!

Вчерашняя картина из больничной палаты намертво въелась Цзян Шэну в память. Он думал об этом весь вечер и половину сегодняшнего дня.

В свое время, когда Жуйси держал в страхе всю Чаншуйскую среднюю школу № 4, кто из пацанов при виде него не выражал почтения и не звал уважительно «брат Жуй»? Пусть Жуйси и выглядел худощавым, в драке он превращался в сурового зверя — сказывались сиротское детство и постоянная необходимость постоять за себя. С такими внешними данными — белая кожа, привлекательное лицо и отсутствие отца — без крепких кулаков тебя быстро сожрут с потрохами.

Цзян Шэн тогда и сдружился с ним именно из-за этой жилы, этой стальной хватки. Позже Жуйси поступил в элитную старшую школу, поумерил пыл, стал образцовым учеником, а затем и вовсе выучился в престижном университете. Но Цзян Шэн был свято уверен: под дорогим костюмом и лоском интеллигента скрывается все тот же дикий, дерзкий парень.

И вот вчерашняя сцена в больнице разрушила его картину мира до основания. Нахальный, привыкший к лидерству Жуйси перед этим Чжоу Янем выглядел... как шелковый домашний котик!

Это смотрелось до дикости неестественно.

Цзян Шэна даже зло взяло. Только что он провел глупый эксперимент, пытаясь понять: то ли брат Жуй изменился до неузнаваемости, то ли сам Цзян Шэн хреново его знает.

Эксперимент провалился, и Цзян Шэн чувствовал себя глубоко оскорбленным:

— Теперь-то я вижу! Ты просто предвзят! Он тебе пихает — ты жрешь! Я тебе мягкий кремковый хлебушек даю — ты мне по морде заезжаешь! Скажи честно, я тебе вообще лучший друг или так, насрано?!

Жуйси, глядя на эту буфетную драму, не знал, смеяться ему или плакать. Подумав пару секунд, он признал:

— Чжоу Янь — это другое.

— И чем же он другое?! — Цзян Шэн распалился, как брошенная любовница, вознамерившаяся любой ценой выбить признание.

— Он был старостой нашего курса. Человек редкой честности и благородства. Пообщался бы ты с ним — сам бы понял: от него веет абсолютной надежностью, — Жуйси говорил медленно, взвешивая каждое слово, словно пытался объяснить не только другу, но и самому себе причины вчерашней покорности. — Ему веришь на каком-то подсознательном уровне. Знаешь наверняка, что он никогда не причинит тебе вреда.

Цзян Шэн вылупил глаза:

— А я, по-твоему, причиню?!

Жуйси поджал губы и смерил его подозрительным взглядом:

— А кто тебя знает. Ты после туалета руки-то хоть мыл?

Цзян Шэн потерял дар речи.

<http://bllate.org/book/20461/2111922>